На Пасху Анпилов предложил рихтовать черта *стр. 2*

Эхо Чернобыля в Калуге *стр. 2*

Зюганов раздал обещания жителям Ельца *стр. 5*

Читательский конкурс *стр. 6*

НЕ ДАЙ БОГ!

Газета о том, что может случиться в России после 16 июня

Основана в апреле 1996 года ◆ Выходит еженедельно ◆ **Суббота, 20 апреля 1996 года, №1(1)** ◆ Распространяется бесплатно

В конце концов посадят шурина

Если вы намерены голосовать за Зюганова и надеетесь на брежневскую стабильность после выборов, то зря. До уютного домашнего застоя с маленькими радостями первомайских продуктовых заказов и тринадцатых грошовых зарплат, с уверенностью в хреновом, но своем завтрашнем дне и анекдотами про день вчерашний — до всего этого надо еще дожить. Пройдя по хоженой дорожке — через красный террор, военный коммунизм, усиление классовой борьбы, разоблачение врагов народа, развенчание культа какой-нибудь личности, на которую все и свалят.

Между тем 16 июня уже скоро. И нас, еще ничего не решивших, уже заранее утешают: ГУЛаг сегодня невозможен. И вообще, это не те коммунисты, все они связаны с новой экономикой, с коммерцией, поэтому круто ломать ничего не будут. И никак на нас, простых мирных жителях, их приход не отразится. А если посадят директора нашего завода, который и раньше был вор, то и слава Богу. То есть, конечно, слава КПСС. То есть КПРФ... Стоп!

Давайте по порядку. Перво-наперво посадят вашего шурина, купившего на черный день две сотни долларов. За валютные операции в особо крупных размерах, поскольку «особо крупные» при советской власти начинались с десяти тысяч рублей. Посадят и дружка его, ларечника, как «спекулянта», так что бутылку-закуску для ночного гостя взять будет негде. Да и отыскать для ребенка спортивный костюмчик, непохожий на арестантскую робу, тоже. Потому что будет взят курс на защиту отечественных товаропроизводителей от «челноков», паразитирующих на временных трудностях. И «челноков» будут сажать за контрабанду.

И то правда: ну не банкиров же им сажать?! Банкиры уедут вслед за своими деньгами. А кто остался — он вторым секретарем райкома был, он может одуматься, исправить свои ошибки и вернуться в партию. Принеся, кстати, с собой деньги и опыт хозяйственной работы. Который поможет партхозактиву построить рядом с трехэтажным воровским домом еще три таких же, но уже не частных, а «номенклатурных».

При этом зарплата 140 рублей за сборку ответственного узла на вашем, уже не подлежащем конверсии, танковом заводе снова будет считаться почетным кровным заработком. Именно считаться, потому что платить эти кровные сто сорок все равно не будут, несмотря на власть рабочих и крестьян. Ведь арабы наши танки больше не покупают, привыкли к французским, а кроме них заслуженный наш ВПК никому не нужен.

А хоть бы и платили! Не будет старых цен, поверьте — да они и не нужны этим, которые их обещают. Ну какое дело им до цен? Разве кто-нибудь видел Брежнева или Черненко в магазине, покупающих пачку пельменей и мерзлый ком спинок минтая?

Не будет и народной колбасы по два девяносто, даже по спискам, потому что когда они начнут на импортном колбасном оборудовании набивать селитру в синтетические кишки, оборудование встанет.

И порядка старого не будет. Ну куда девать этих наглых, в коже и тренировочных штанах? В овраг и из пулеметов? А ваш-то внук не среди них? А? Или это сын?

И величия Родины не будет — того, которое было. То есть танки-то они введут куда хочешь снова, хоть в Прагу, хоть в Кабул, только уже не сдастся Прага без единого выстрела, а Кабул и раньше не сдавался. И кто же там воевать будет? Правнук уже? Если вы о нем позаботитесь на выборах.

А что будет?

В конце концов власть дойдет до высшей меры социальной справедливости и отберет у вас излишки, а у крупных финансовых структур — вообще все к чертовой матери. Но такие структуры — это не ваш шурин, это банкиры, как вы помните, вышедшие из вторых секретарей, заведующих отделами строительства и работников райкомов комсомола — они будут сопротивляться. И те, кто обещает их посадить, это прекрасно понимают (хотя по лицам не скажешь). А разборки между своими (бандитами, коммунистами и тому подобными членами преступных сообществ) всегда самые кровавые и бесконечные.

И на улицы выйдут танки. И Москва будет отличаться от Грозного только размерами. Руины, голодные собаки с поджатыми хвостами, трупы ваших детей в задравшихся гимнастерках. Бежать будет некуда. То, что сегодня вы видите по телевизору, будет видно из вашего выбитого окна. Потому что Чечня — это не Ельцин придумал. Это семьдесят с лишним лет власти тех, кто к ней прет снова. Это те коммунисты, которые, обезумев, мечтают о восстановлении обкомовских распределителей и общегражданских талонов, о единодушном одобрении ввода войск и осуждении инакомыслящих.

...А дожить до их маразма, до шамкающего генсека, позволяющего всем воровать на прокорм, нам не удастся. В прошлый раз для этого потребовался почти век.

ВАША ОЧЕРЕДЬ?

От той очереди за водкой, протянувшейся через весь СССР с 1986-го по 1990 год, остались смешные анекдоты. Помните? Остановка «Гастроном»; следующая — «Конец очереди»...

А то, что там убивали, в этих винных, вы помните? Или лично видели только мордобои? Портвейн пополам с кровавыми соплями, битые бутылки вперемешку с битыми очками. Это называлось «стоять в очереди».

Вернее, в порядке живой очереди. В порядке вещей.

Тогда, в 86-м, немецкий журнал Spiegel посвятил этой проблеме длинную-длинную фотографию: шесть страниц подряд — типовая винная очередь, от начала и до конца, без комментариев. В ЦК КПСС обиделись: самая, пожалуй, злая антисоветская пропаганда.

Кстати, прекратился антиалкогольный террор не по партийному постановлению, а с появлением ларьков. Но многие до сих пор связывают начало перестройки с антиалкогольной кампанией. В общем, правильно: именно тогда люди неожиданно поняли, что им плюют в рожу. С высоты социалистического выбора: либо пустой прилавок, либо... в порядке живой очереди. Окончание на стр. 6 >

КОММУНИСТЫ НА МАРШЕ

Представитель штаба избирательной кампании Зюганова Александр Уваров сообщил, что доверенными лицами лидера КПРФ будут 160 «известных политиков, общественных и государственных деятелей, представителей науки и культуры», но близких родственников кандидата в этом списке не будет, «поскольку Геннадий Зюганов не нуждается в их поддержке».

Трудно понять, что именно хотел сказать Уваров. Если он имел в виду, что Зюганов не нуждается в чисто человеческой поддержке членов своей семьи, это наводит на мысли о странном характере взаимоотношений лидера КПРФ со своими близкими родственниками. Можно посочувствовать Зюганову, так обделенному теплым участием и поддержкой именно там, где человек в ней более всего нуждается — у домашнего очага. Однако нежелание использовать в кампании притягательные моменты личной жизни кандидата наводит на мысль: а есть ли они вообще — таковые моменты?

Вероятно, дело в том, что КПРФ, как партия авангарда, стремится к авангардным, а отнюдь не мещанским приемам агитации. 31 марта Пермский авиационно-спортивный клуб направил Зюганову письмо с просьбой помочь в решении финансовых проблем — взамен авиаторы обещают запустить в небо воздушный шар с рекламой лидера КПРФ. Вызывает уважение искренность авиаторов, прямо указавших на финансовые проблемы как главный источник их народно-патриотических убеждений. Другие агитаторы за Зюганова не всегда бывают столь искренни — как, например, певец Сергей Крылов, совершенно бескорыстно посвятивший свой талант Зюганову.

«Зюганов ненавидит людей, он страшный интриган».

Из интервью Сажи Умалатовой (СКП-КПСС)

Куда более прагматическими причинами объясняет свои политические пристрастия бывший вице-президент Александр Руцкой. Присоединившись к Зюганову и отправившись с ним 9 апреля в агитационную поездку в Воронеж, Руцкой объяснил прессе, что «очень хочет попробовать себя в качестве губернатора Курской области и, кроме того, уверен, что Зюганов сильно изменился по сравнению с 1993 годом».

В 1991 году Руцкой объяснял прессе, что в ЦК КПРФ засели страшные люди, готовящие «новый 37-й год», а теперь его отношение к страшным людям значительно улучшилось — генерал понял, что готовят они вовсе не 37-й год, а губернаторское кресло для него. Конечно, можно задаться вопросом:

окончание на стр. 6 >

Что они с нами сделают

Если победят на выборах

Осталось два месяца.

У них все еще есть шанс «все вернуть обратно».

А у нас, включая и тех, кто согласен вернуться, по-прежнему нет ответа на самый важный вопрос: что изменится в нашей жизни после 16 июня? И почему те, кто хочет революционно изменить нашу жизнь, ни слова не говорят о том, *как* они собираются это делать? Какие у них планы на наш счет?

Странно, что коммунистическая Дума, затаившись, ждет победы Зюганова, чтобы начать выводить страну из кризиса. Почему бы не начать без него, принимая большинством голосов срочные и важные законы? Единственное, что они сделали за три месяца, — попытались возродить Советский Союз. По реакции соседей стало ясно, что рассчитывать в таком деле можно только на танки.

— Это что же, входило в ваши планы? — спросили у авторов.

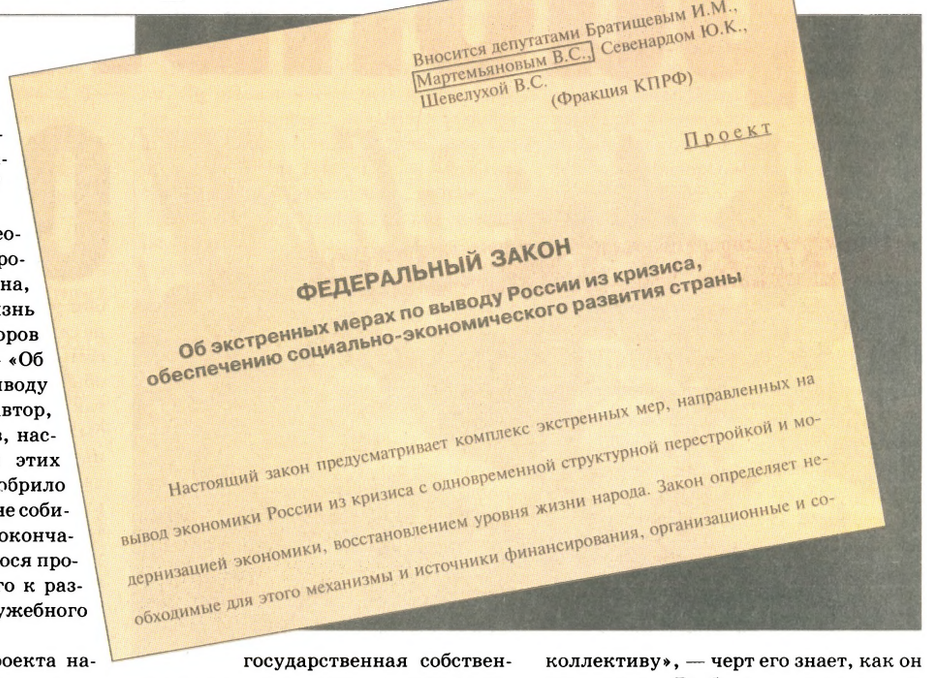
— У нас есть программа-максимум! — обмолвился генерал Варенников, главный специалист по нашим танкам в чужой стране. Но тут генерала толкнули в бок, и он не выдал военной тайны. Остальным наступили на ноги под столом, и с тех пор они не отвечают ни на какие вопросы о планах.

Они хотят нас вылечить.

Мы хотим знать, как называется лекарство. Нам говорят: неважно, вы должны довериться врачу.

Хорошо, покажите диплом. Почему у вас за семьдесят с лишним лет практики так много летальных исходов? Может быть, все-таки расскажете о лекарстве?

Редакция располагает неопубликованным текстом проекта федерального закона, расписывающего нашу жизнь на ближайшее после выборов время. Судя по названию — «Об экстренных мерах по выводу России из кризиса», — автор, экономист И. М. Братищев, настаивает на неотложности этих мер. Руководство КПРФ одобрило законопроект, но, похоже, не собирается его обнародовать до окончательной победы в июне, относя проектировки нашего будущего к разряду документов «для служебного пользования».



Вносится депутатами Братищевым И.М., Мартемьяновым В.С., Севенардом Ю.К., Шевелухой В.С. (Фракция КПРФ)

Проект

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

Об экстренных мерах по выводу России из кризиса, обеспечению социально-экономического развития страны

Настоящий закон предусматривает комплекс экстренных мер, направленных на вывод экономики России из кризиса с одновременной структурной перестройкой и модернизацией экономики, восстановлением уровня жизни народа. Закон определяет необходимые для этого механизмы и источники финансирования, организационные и со-

Первый раздел законопроекта называется «Демократизация отношений собственности». Главная тема — «приватизация государственных и муниципальных предприятий приостанавливается». Все уже приватизированные будут проверяться на предмет нарушения закона и ущемления прав. Проверять имеют право все — депутаты всех уровней, чиновники всех рангов и судебные органы.

Если кому-то из проверяющих покажется, что новому хозяину бывшая государственная собственность досталась слишком дешево, недоплаченную стоимость переведут в акции, которые перейдут государству. Доля частного хозяина, соответственно, уменьшится.

С этим частник, может, и смирится. Но потом начнется настоящая демократизация.

Когда на следующий день хозяина не пустят в его еще недавно собственное предприятие, которое перешло «в доверительное управление трудовому коллективу», — черт его знает, как он отреагирует. Вы бы как отреагировали на то, что ваш автомобиль перешел в доверительное управление трудовому коллективу автосервиса? Плюнули бы? А когда вашей квартирой станет доверительно управлять ЖЭК?

И здесь совсем не важно, кто честный, а кто — жулик. Когда они делали это последний раз — в начале века, — была большая стрельба. Погибло много жуликов и много честных.

окончание на стр. 6 >

ИНТЕРВЬЮ

Ролан Быков считает, что Ельцин сумеет противостоять коммунистам на выборах

Леонид Якубович не будет голосовать за Зюганова

Евгений Лебедев не любит демагогов и тиранов

ИНТЕРВЬЮ С НИМИ ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦЕ 4

НЕНАВИСТЬ

И среди коммунистов, и среди демократов экстремистов вполне хватает. Они очень не любят друг друга. Но при нынешней власти по крайней мере друг в друга не стреляют. **Что случится, если в результате выборов властью станут коммунисты?**

Прочтите репортаж о недавнем митинге анпиловцев. Прочтите письмо молодого журналиста Дениса Горелова. И представьте себе, что будет, если такие, как Анпилов, начнут новый передел страны, а такие, как Горелов, будут защищаться?

О такой возможности не хочется даже думать. Но именно ее мы имели ввиду, когда назвали нашу газету **«НЕ ДАЙ БОГ!»**.

Виктор Анпилов: все на кладбища, все на выборы

Пасху я отметил по-коммунистически. Провел несколько часов Святого дня на Театральной площади Москвы, в рядах митингующих под знаменами РКРП и «Трудовой России». Спрашивается, зачем? Хотел чисто по-человечески разобраться и написать, чего конкретно добиваются коммунисты для России, как они будут действовать ради победы на выборах, что сделают после победы и, опять же, как? Вопросы, согласитесь, естественные, и я давно задаю их партийным функционерам городов, где бываю в командировках. Они, как правило, отвечают общими фразами и ссылаются на неприсланные еще из Москвы программные документы.

Предположим, это объяснимо: одно дело провинция, другое — столичная элита. И вот я в самом центре Москвы, рядом со снесенным Свердловым и каменным Марксом.

— Да здравствует Святая Пасха! Так, все идут на кладбища! Все идут на выборы!..

Это говорит Виктор Иванович Анпилов. У которого я, грешным делом, хотел поинтересоваться, почему коммунистам выгодно митинговать на Пасху. Ехал в метро и разгадывал тайный смысл этого пропагандистского хода. И вдруг... причем здесь выборы? Причем кладбища?!

— Неужели у России не проснется совесть, и она не скажет на выборах: «Христос воскрес!» Разве Христос терпел? Не терпел. Например, он не терпел ханжества — и пожалуйста, его распяли. Так и теперь. Если рабочий возьмет власть, он сумеет освободить и ученика, и учителя... Учитель — Ленин, ученик — Зюганов. А вообще-то он черт, а не ученик. Так давайте в этот святой день решим, что мы свергнем чертом дьявола, и все. А потом займемся остальными. Мало кто из вас знает, что сказал Христос. Так вот, он сказал, чтобы все страдали. Так пусть те, кто предал учителя, пострадают лет пять-десять от ученика, сами знаете где. Это не я, это Христос сказал!

Христос этого не говорил. А за слова Анпилова я ручаюсь: извел на митинге три магнитофонные пленки, а потом всю ночь расшифровывал. Но после расшифровки вопросов стало больше.

Если этот партийный лидер не умеет быть понятным, не умеет убеждать (хотя перед выборами обязан), то потом, когда он станет одним из руководителей государства, он тем более никого убеждать не будет. Он будет приказывать. Своему окружению, народу, мне. Ну ладно, четкие приказы выполнять просто, даже если их не совсем понимаешь. А эти? «Все на выборы! Все на кладбища...»

Впрочем, я человек новый. Попробовал прислушаться к диалогу двух немолодых людей, обсуждавших выступление.

— Босяк он, ваш Анпилов, — говорит один. — И выглядит, как босяк. Смешно мне.

— А ты-то кто?

— Я профессор.

— Это ты ум партии?

— Да, это я. А ты кто?

— Я? Ты меня спрашиваешь, кто я?

— Отвечай мне!

— Я писатель.

— А чего же ты не пишешь?

— Товарищи! Вы слышали? Уберите провокатора с площади! На площади провокатор!

Увидев, как честно я пишу эту партийную дискуссию на диктофон, мне решил помочь продавец партийной литературы:

— Ублюдки, — спокойно разъяснил он. — Газета «Товарищ» стоит 500 рублей, «Трудовая Россия» — 300. Что профессор, что писатель — купят газету, а потом выкидывают. Пакостят. Видишь, газеты летают?

Действительно, какие-то обрывки летали. Их в самом деле не читали. И следующего оратора слушали уже совсем плохо. А выступал между тем Кривобуков, простой рабочий, как он сам представился. Который, как я надеялся, если уж не ответит на мои простые вопросы, то хотя бы задаст их с трибуны. Но Кривобуков объяснил, что собравшимся надо стремиться к Ливии. Во-первых, потому, что там нет тюрем, а во-вторых, там строится искусственная река. И перешел к поздравлениям.

— Поздравляю всех атеистов с праздником Пасхи! Да, Ельцин решил отобрать у нас все праздники и даже придумал свой, вот эту Пасху. И я вас поздравляю с этим праздником. Но Девятое мая мы ему не отдадим. Он хочет оболванить героев войны своей вонючей сырокопченой колбасой и верующих тоже хочет оболванить. Не выйдет. И я говорю вам: «Трудовая Россия» будет бороться за счастье верующих во всем мире!

И совсем уже неожиданно закончил:

— Заканчиваю, потому что, короче, настроение у меня плохое.

Честно говоря, я боялся, что будут аплодисменты. Что речь одобрят. Но публика реагировала спокойно. То есть никак. И хотя бы это было понятно: у людей полно проблем помимо Ливии. Но второе выступление Анпилова вызвало энтузиазм. Когда он призвал всех идти к памятнику Гагарина (почему-то с цветами) и мстить. Впрочем, цитирую:

— Вот это будет сражение! И пусть Лужков не поит нас немецким пивом — бесполезно! Но запомните! Нас, руководителей РКРП, с вами не будет! Мы уезжаем в Челябинск, на съезд коммунистических сил. Ничего не бойтесь!

Идея имела успех.

— Нам бы только до Гагаринской площади дойти да хотя бы попробовать возложить эти цветы, — сказал мне интеллигентный старичок. — Они, конечно, не дадут. Тут мы и начнем. Мы за все отомстим. Кровь за кровь.

И тут стало по-настоящему обидно. Коммунисты представляют в Думе квалифицированное (обратите внимание на термин) большинство. Во всяком случае имеют возможность организовывать для страны что-нибудь более полезное, чем драки с милицией. Тем более силами стариков и старух. Которым, кстати, хватало в жизни и драк, и крови, но всегда не хватало того, что называется нормальной человеческой жизнью. Жизнью, обещанной предвыборными лозунгами тех же коммунистов.

Но в пасхальный вечер коммунистов интересовала не сама жизнь, а ее, извините, смысл. Судя по даме, которая прохаживалась среди участников митинга с социологическим опросом. Меня она тоже проанкетировала.

— Первый вопрос анкеты: в чем смысл жизни?

— Не знаю я. Сюда приехал узнать.

— Конечно, не знаете, — одобрила она. — Отсюда и все беды. Но вы же с нами. Послушайте, что Виктор Иванович говорит.

Я послушал. Анпилов сказал:

— Христос воскрес. Да здравствует социалистическая революция!

АНДРЕЙ БУЙНОВ

Денис Горелов: красные хозяйничать здесь не будут

Отец... Черт, я даже не знаю, как к тебе обращаться. Тебя убили, когда мне было десять и все одноклассники еще звали отцов папами, а я уже нет. Зато годика через три-четыре они все стали понимать, что их отцы не самые крутые, не самые лучшие, не самые правильные люди на свете — обычное дело, возраст. А ты для меня так и остался самым-самым-самым, и были тому не только сыновние причины. Шпана детдомовская, золотой медалист, чемпион студенческой Москвы по лыжам, рулевой на Севморпути, авиаинженер, редактор отдела науки в «Комсомолке», один из самых ярких ведущих радио «Маяк» — они там все до сих пор тебя помнят. Для них одних я по-прежнему не Горелов, а сын Горелова.

Человеку, который вышиб твой «жигуль» на обочину Минского шоссе, на нас было плевать с высокой башни. На мою безотцовщину, на мать, на то, что к своим сорока двум ты уже успел вдоволь нахлебаться военным беспризорником — и в самолете горел, и валялся на лыжне с порванными связками, и даже в партию вступил, чтобы получить допуск на Байконур, — что, в общем-то, тебе уже хватит. Ему вообще на всех было плевать: он вел персональную бронированную «Чайку» товарища Кузнецова В. В. — «видного сов. парт. деятеля, дважды Героя Социалистического Труда» (Советский энциклопедический словарь), без пяти минут кандидата в члены Политбюро. И если б дело было только в этом водиле, я бы нашел его после дембеля, я все же сержант-противотанкист, все же чему-то нас учили, не только канавы рыть. А что, здорово было бы — ПТУРСом в лобешник, в синее тонированное стекло.

Чепуха, конечно, не стал бы я его искать, потому что если б виноват был он один за две смерти — твою и бабушки — закатали бы его, лихача, лет на пять, хватило б и того.

Он не сидел в тюрьме ни дня, понимаешь? Он принес какую-то филькину справку, что вез своему патрону секретные документы и должен был спешить. ДТП с особо тяжкими даже не дошло до суда, его даже не проверили на алкоголь, отмазали вчистую. А его хозяин через два месяца стал-таки кандидатом в члены Политбюро, как будто вас с бабкой и вовсе не было.

Не буду я искать этого болвана. Потому что они убили тебя сообща, толпой, они — кто дал ему право так ездить, они, со своей руководящей ролью, социальной справедливостью, со своими флагами и кормушками. Они, боссы твоей собственной партии. При любом другом строе ты был бы жив, потому что никто нигде так не ездит. Хотя бы потому, что ни один демократический начальник не станет подставлять прессе задницу за своего убийцу-водителя. И только этим одним нынешний строй в десять раз лучше прежнего.

Тогда, в 77-м, я был еще щегол. «Тебе было уже десять лет — и ты ничего с ним не сделал!» — попрекнул меня позже черкес-батареец, но он был не прав: здесь, на равнине, люди взрослеют медленнее. Но в двадцать, с седым виском и значком наводчика 2-го класса, я уже знал, что отвечу — мало не покажется. И я квитался за тебя честно — в политотделах самых злых антисоветских газет, зимой 91-го в Вильнюсе, осенью 93-го в «Останкино». С ними, которые все хотят вернуть назад и ездить по нашим трупам. А если они думают, что развал их паскудной системы, снос их памятников, кресты на их карьерах — достаточная за тебя цена, — так они просто не знают, что такое стать сиротой в десять лет. Ничего, я объясню.

Гадом буду, пока жив — красные хозяйничать здесь не будут. Либо скоро с тобой свидимся, либо они еще не раз крепко пожалеют о том июне. Когда мне было уже 10, а тебе всего 42.

ТАК БЫЛО

Жертвы ядерной «Зарницы»

В 1989 году в одной из агропромовских контор Калужской области мне случайно попалась на глаза странная бумага — сводка о надоях молока, на которой стоял гриф «Секретно».

Почему молочно-товарные фермы 12 районов области оказались в числе стратегических объектов, я тогда не понял, но сводку на всякий случай прибрал. Чуть позже достал такие же секретные списки по мясу, картофелю, зерну. Секретилась, как выяснилось, обычная сельскохозяйственная отчетность районов, над которыми прошло чернобыльское облако.

В этих районах мирно жили несколько сот тысяч человек, кормили скотину радиоактивным сеном, ели овощи с зараженных грядок, дышали отравленной пылью и — знали об этом. Поговаривали между собой о бегстве партийного начальства и врачей из самых «грязных» районов, понимая: им-то бежать некуда. Не бросишь же дом, скотину, птицу... Да и кормиться где, как не с огорода — на прилавках сельмагов было пусто, туда и хлеб-то завозили подчас раз в неделю.

Так и привыкли. Это было действительно громадное достижение советской власти — люди под ее руководством привыкали ко всему.

Именно поэтому мне так легко достались мясо-молочные военные тайны. Сводки к тому времени собирались уже три года, все к ним успели привыкнуть, и милые женщины, аккуратно сводившие колонки цифр в отчетах, утратили бдительность, легкомысленно оставляя секретные документы на своих рабочих столах рядом с деревянными счетами.

Единственное, пожалуй, что начальству удалось скрыть от терпеливых калужан, — это последствия военно-патриотической «Зарницы» в Ульяновском районе.

Район больше других пострадал от радиации, ее уровень превышал допустимый в сотни, в тысячи раз. Но кто об этом догадывался, когда на весь район имелся всего-навсего один старенький дозиметр в местном штабе гражданской обороны?! И кто об этом задумывался, если сразу после взрыва в Чернобыле ульяновские вожди были заняты важным делом — подготовкой праздничных мероприятий к очередной годовщине Победы.

Разумеется, партийное руководство не могло не знать, что случилась в Чернобыле. На трассе Москва—Киев, проходившей неподалеку, военные проводили замеры радиоактивного заражения местности и останавливали на КПП машины для дезактивации. На местных дорогах и вдоль лесных опушек появились таблички: «Осторожно! Радиоактивность!»

Властям деятельность военных не понравилась. Таблички было приказано немедленно убрать, а День Победы отмечать гуляниями и молодежной игрой «Зарница». Командиры пионерских дружин командовали школьникам: «Вспышка атомного взрыва справа! Ложись!!!», не подозревая, что играют почти в настоящую ядерную войну. А дети весело падали на свежую весеннюю траву ногами в сторону воображаемого атомного гриба.

Это происходило как раз там, где трава была покрыта настоящим радиоактивным стронцием и йодом. Спустя три года выяснилось, что почти все дети в районе больны — в основном болезнью щитовидной железы и лейкемией (белокровием).

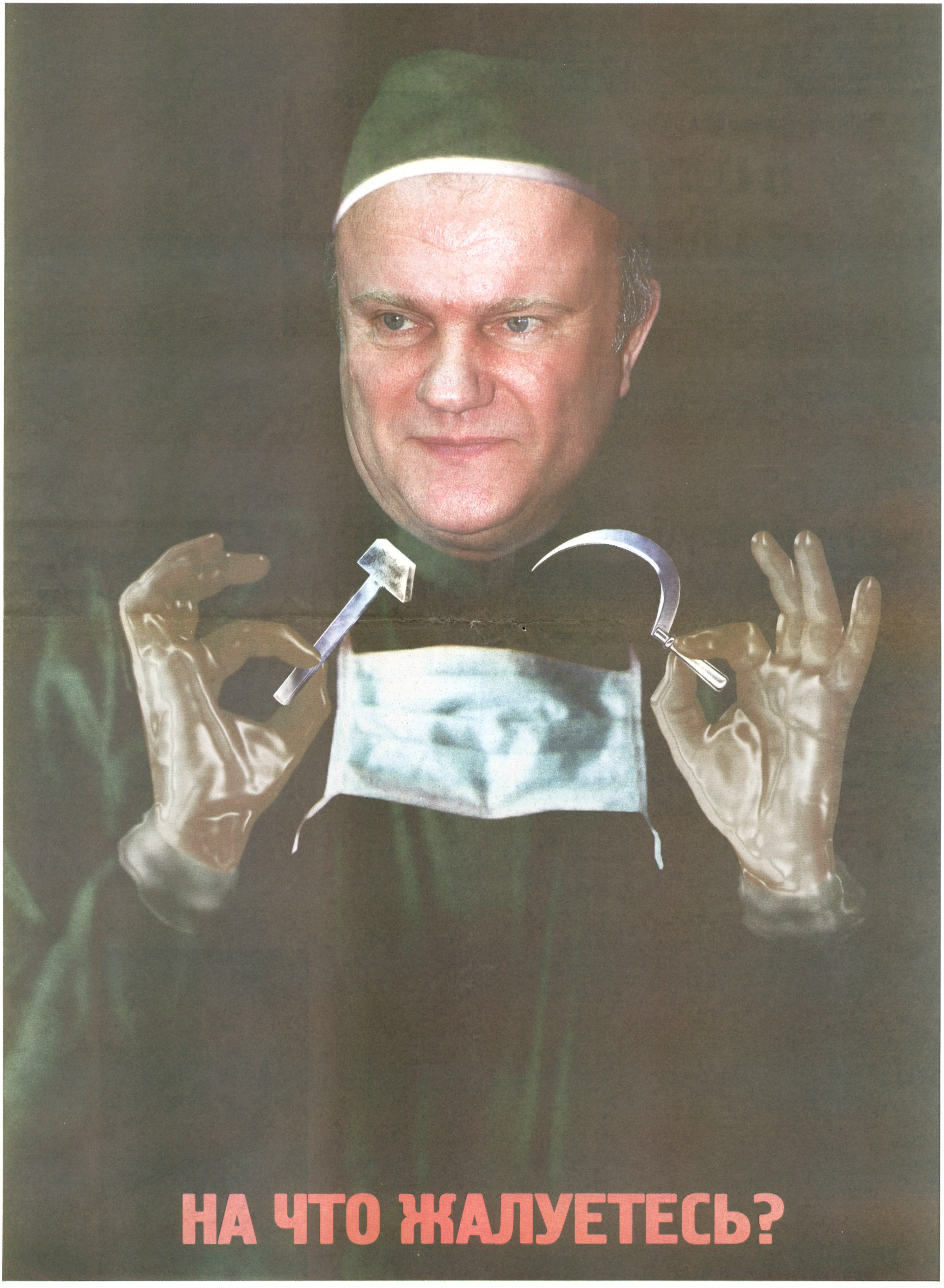
...А облако шло себе и шло дальше. Его осадки покрыли двенадцать районов, радиоактивная пыль переносилась ветром, колесами тракторов и машин, оседая на крышах домов, школ, больниц, ферм. Дожди смывали эту пыль, она по водостокам стекала на землю и накапливалась, опоясывая жилые постройки радиоактивными кольцами. Мясо и молоко из зараженных районов продолжали везти на переработку в колбасные цеха и на молочные заводы. В обкоме КПСС считали, что надо любой ценой поддерживать полуразвалившиеся колхозы. Продукты из «грязных» местностей разбавляли «чистыми» и в виде сметаны, ряженки, масла, творога, колбас и сосисок увозили по продразверстке в столицу. В те годы Москва снабжалась продуктами питания из всех соседних областей, жители которых, не имея на своих прилавках ничего, кроме ржавой кильки да засохших пряников, снаряжались в набеги на московские гастрономы.

Зона бедствия ширилась и ширилась. И в ней уже невозможно было различить маленький очаг поражения — маленьких жертв заразной военно-патриотической игры. Тем более что умерли не все. А некоторые даже выздоровели.

Через десять лет я встретился с одним из тех юных «зарничников», который в тот момент даже и не заболел. Во всяком случае так показалось его родителям. Они радовались и благодарили... не знаю уж кого: Бога тогда благодарить было не принято. Так вот, мальчик вырос и точно знает: его дети никогда не будут играть в «Зарницу».

Потому что у него никогда не будет детей.

ВЛАДИМИР ПРЯМКОВ

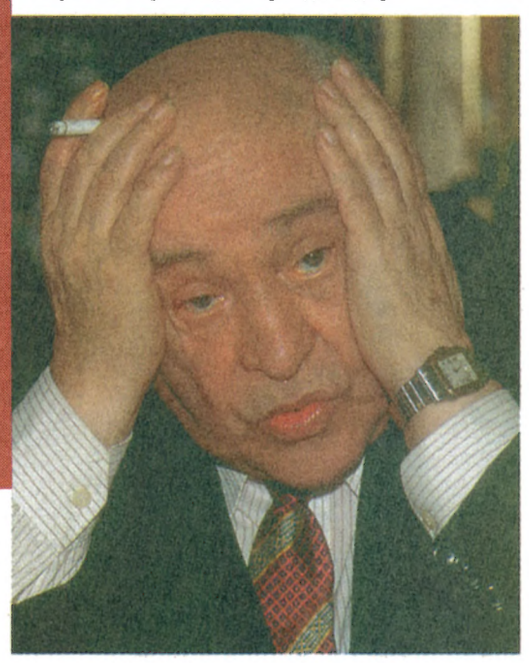


НА ЧТО ЖАЛУЕТЕСЬ?

Актер театра и кино прожил тысячу жизней. Хороший актер знает не только то, что делает его герой, но и то, что он думает. Он понимает, когда «играют на публику», потому что сам умеет вызывать в зале смех или слезы, изображать любовь или ненависть. Тем проще ему различить истину или ложь на политической сцене. Серию интервью с людьми, чьи лица знакомы каждой семье, мы начинаем с наших российских знаменитостей.

Ролан Быков

я голосую за Ельцина



Наша встреча с Роланом Быковым переносилась несколько раз. Актер и режиссер завершал свою новую картину о великих потрясениях XX века: годовщине ядерной бомбардировки Японии, Великой Отечественной войне, о том, какой путь прошла Россия и какая судьба ждет ее в будущем.

— Вы за коммунистов или за демократов?

— Именно так меня однажды спросили в живом телеэфире. И я ответил, что выбрал бы, да не могу, поскольку коммунистов уже лет сорок как нет, а демократов, боюсь, сорок лет еще не будет. Я за Россию, за ее демократическое будущее, за культуру и духовность, за всех талантливых и честных ее людей.

На той передаче я всем сердцем защищал старые времена от напраслины. Ничему нас не научил 17-й год, когда выкинули все, что было прекрасного в русской истории и культуре. В 91-м мы повторили эту ошибку, став выбрасывать все хорошее, что было в СССР, где сотни миллионов людей совершенно искренно были выше денег — и это единственный и, может быть, неповторимый опыт в истории человечества.

— Так вы за коммунистов или за демократов?

— На этот вопрос мне и хочется ответить. Придется, правда, начать издалека. Всего полвека назад были еще живы последние крепостные старой дореформенной России. Прошли эти полвека, и рухнул коммунистический тоталитаризм. Разумеется, в основе «революции сверху» лежали причины очень глубокие. Ее фундаментом был крах всей финансово-экономической системы СССР. Этот крах тщательно замалчивался и маскировался. Принимались исторические и истерические решения, стойко не дававшие результатов. С конца 70-х стало разваливаться все: здравоохранение, культура, охрана детства. Нефтедоллары постепенно перестали покрывать экономические безобразия.

Еще будучи народным депутатом, я однажды задумался: почему это сразу после «перестройки» пришлось капитально ремонтировать разом Большой театр, Малый театр, Ленинскую библиотеку и Третьяковскую галерею? И тут я наткнулся на прежние нормативы Госплана: на текущий ремонт на один квадратный метр площади выделялось 5 копеек (то есть 5 коробков спичек), а на капитальный ремонт — 50 копеек! Что можно было отремонтировать за такие деньги?! Я узнал много интересного и поучительного. Например, что квадратный метр общественного здания стоил 250–500 рублей, квадратный метр свинарника — 43 рубля, а квадратный метр средней школы — 37 рублей. И я вновь ощутил, что СССР — не страна победившего пролетариата, а страна победившего партаппарата.

Аппарат жил своей жизнью, постепенно терял страх эпохи Сталина, сопротивлялся всему новому, и это было самой серьезной причиной окостенения экономики. Бюрократия породила свой особый язык — канцелярит, где не было слов «любовь» или «честь», но имелось семьсот вариантов отказа — от «не рекомендуется» до «аналогов нет».

Чуть не мертвого взад-вперед таскало Брежнева его окружение, только бы не пришел кто-то другой, кто мог бы прервать или, не дай Бог, прекратить эту сладкую жизнь. Восторжествовали негласные лозунги «Ребята, все на всех!» и «После нас хоть потоп!» — и он наступил, этот потоп. Он для России превратился в библейский, он смыл нравственный ландшафт, из него выплыл безмозглый золотой телец и заржал смехом идиота надо всем, что творилось и происходило прежде: над правым и виноватым, над грешником и святым, над преступлением и подвигом, потешаясь над историей и над самим понятием «Россия».

Нам достались развалины. И те, кто говорит, что страну и экономику разрушило сегодняшнее правительство, обманывают и себя и других. Я бы поверил им, если бы наше правительство было плохим, а, скажем, украинское — хорошим, а грузинское или армянское — замечательным, а то ведь почти везде в Восточной Европе те же проблемы, и та же коррупция.

Распалась экономика СССР, которая на 80% была интегрирована насильственно. Тогда говорили: «У нас так устроено, чтоб отрезать в Бресте, намазать в Архангельске, а уж съесть на Сахалине».

— Но разве не из партаппарата пришел Борис Ельцин?

— Именно Ельцин лишил власти партийную верхушку и выдвинул идею новой некоммунистической России. В этом его огромная заслуга. Капээсэсовское крепостное право пало. Партийная власть, стоявшая над законодательством и Конституцией, ушла в прошлое. Но с первых же шагов развития законодательства наш Верховный совет, а потом и Дума стали ареной борьбы за власть. Ельцин сразу же столкнулся с политическим и личным предательством. Вспомним, каких огромных усилий и почти унижений стоило ему утверждение Хасбулатова председателем Верховного совета. Генерал Руцкой по самой должности был определен ближайшим соратником президента. А они тут же возглавили борьбу против Ельцина, причем это была борьба на уничтожение. О сегодняшней Думе и говорить нечего: какое там законодательство, когда лидер почти каждой фракции — кандидат в президенты! Это уже не политическая борьба, а самая настоящая война. Причем Ельцину все время предлагается смертельный бой, и он его один за одним выигрывает.

И вот новые выборы и новый бой — решительный, хотя вряд ли последний. Демократические силы разобщены, их авторитет упал, их лидеры не сумели вовремя преодолеть собственное демчванство, найти социальную базу реформ. Сегодня Ельцин чуть ли не один стоит против коммунистов. У демократических блоков не хватает даже чувства самосохранения, чтобы объединиться вокруг президента, выиграть время, отыскать единую платформу и нового лидера. И возникает ситуация, при которой в России может победить коммунистическое меньшинство.

— Говорят, что коммунисты теперь другие...

— Пусть никто не обольщается. Мы не Литва и не Польша, где приход коммуниста к власти вовсе не означает возвращения строя и прекращения реформ. Мы колыбель этой идеи и партии, коммунисты идут на выборы с идеей реванша, идут агрессивно.

То, что демократические выборы могут стать последними,— об этом говорит вся история коммунистической партии большевиков. Уже сейчас начинаются атаки, идет разделение на друзей и врагов. Обо мне одна коммунистическая газетенка написала, что из всех моих ролей лучше всего я выразил себя в предателе родины, полицае Терехе. То есть я уже объявлен предателем родины. Завтра назовут «врагом народа».

Идут к власти не просто коммунисты, а именно большевики, ибо в партийном уставе остался принцип демократического централизма — тот самый, который неизбежно приводит любой социализм к абсолютизму партийной олигархии. Остался и принцип диктатуры пролетариата, стало быть, мы снова придем к однопартийной системе и на выборах будем лишены выбора. Был когда-то анекдот, за который могли дать 10 лет лагерей. Протягивает один курильщик другому портсигар с одной папиросой и говорит: «Выбирайте». — «Что выбирать — тут одна папироса». — «Ну и что? Когда вам дают избирательный бюллетень с одним голосом, вы же выбираете».

Я коммунизма не хочу именно для тех людей, которые собираются за него голосовать. Я за них беспокоюсь, потому что из этого не выйдет ничего, кроме новой борьбы и стрельбы. Нарушение стабильности в России сейчас крайне опасно для всех, кто любит своих детей. Югославия рождает балканский конфликт, Россия — только мировой.

Я тоже могу сейчас организовать демонстрацию, и мы пойдем все с красными флагами и в пионерских галстуках, и я скажу: «пусть вырастут у меня снова волосы», но они у меня не вырастут, потому что мне 67 лет, и волосы мои кончились. Не вернется то, за что пойдут голосовать люди — вот что хотелось бы объяснить.

Компартия сама по себе для меня — вовсе не пугало. Но коммунисты у власти — это мы уже проходили. Это конец и демократии, и свободы слова, и самого существования многопартийной системы. Они не стали вдруг другими. 30 лет назад в финале фильма «Айболит-66» мой злой разбойник Бармалей говорил: «Подумаешь, я тоже могу делать добрые дела! Только если я начну делать добрые дела, вы все сдохнете от зависти — у меня враз все станут счастливыми, а кто не станет, я того в бараний рог согну, сотру в порошок и брошу акулам. У меня все будут плясать и петь!»

Леонид Якубович

Я встречался с Зюгановым

Леонида Якубовича, ведущего одной из самых популярных телевизионных программ, мы встретили там, где и ожидали его найти, — в «Останкино». В здании, где уже ничто не напоминает о штурме и перестрелках 1993-го. А убийственно-скучные доперестроечные программы кажутся дурным сном.

— Как вы относитесь к коммунистической угрозе на выборах?

— Это трудный для меня вопрос. Мой отец был коммунистом, фронтовиком, и я не могу не уважать его выбор. Но если вы спросите меня, меня лично, буду ли я голосовать за коммунистов... Нет! Я буду голосовать вместе с их противниками.

— Почему?

— Я когда-то давным-давно, еще во времена Горбачева, в интервью на телевидении на вопрос: «Кто вам больше нравится: Горбачев или Ельцин?» (а Ельцин тогда еще был в опале, и только что был съезд с «Борис, ты не прав!») — ответил: Ельцин, потому что Горбачев меня перепугал. Он произнес фразу, которая меня очень насторожила. Он сказал: «Я очень боюсь иметь дело с профессионалами». В этом Михаил Сергеевич был коммунист из коммунистов. Коммунисты не любили и не любят профессионалов. Партийный работник разбирался во всем: в финансах, медицине, музыке.

Ты так хорошо разбираешься в культуре? А почему бы тебе не станцевать Спартака? Иди и попробуй. Все могут командовать медициной. Кто спорит? Вы — готовый министр, парторг всего нашего здравоохранения. Возьми скальпель, иди вырежь аппендицит кому-нибудь. Не хотят! Они хотят вообще руководить. И делают ошибки в масштабах целой страны. Мы же все это проходили. Например, переселение народов — сегодня это сказалось на Кавказе. Или вспомним, как когда-то один генеральный секретарь вдруг решил Крым подарить Украине. Этого человека давно нет, но расхлебываем мы это сегодня.

Я встречался с Зюгановым. Не могу сказать, знает ли он точно, чего хочет, но то, что он умеет говорить, — вне всякого сомнения. Однако короля играет свита, и я не могу его положительно оценивать, потому что понимаю, какова его команда. Хвост нашей бывшей семидесятилетней жизни за ним тащится. Слишком многие фигуры из его окружения превращаются в окаменелые памятники самим себе. Смотрю на них и вижу: первые секретари обкома, члены политбюро, живые портреты.

— А как должны, по-вашему, выглядеть политики?

— Мне, например, безумно нравится московский Лужков. Я никогда не мог понять, почему в этой стране все наши начальники угрюмые. Кроме Лужкова, я не помню ни одного руководителя, который бы улыбался, рассказывал анекдоты. Такое впечатление, что они все либо страшно больны, их только что из-под капельницы вынули, либо они хотят сказать: «Ребята, ситуация тупиковая, и я-то, конечно, с вами разговариваю, но вы должны понять, что кругом — чума». Я бы хотел, чтобы у меня был такой же веселый хозяин в стране, который занимался бы в том числе и моей судьбой.

— Зато, говорят, в СССР «был порядок».

— Порядок создают хозяева. Если у меня в областной больнице нет лекарств, я могу обратиться либо к главному врачу, либо к федеральному бюджету: «Федеральный бюджет, отдавай мои лекарства». Потом выясняется, что у меня главврач просто идиот и алкоголик, и куда он девал все мои лекарства, неизвестно. Так повсюду.

— Вы боитесь прихода коммунистов к власти?

— Я хотел бы не бояться. Мне не нравится, что вокруг выборов нагнетается такая напряженность. Мы ведь вроде бы не должны бояться. Откуда же тогда этот страх? Почему, как могло случиться, что в «Аэрофлоте» на 16-е число скуплены все билеты за границу? Что за бред? Что же будет? Выборы или извержение вулкана? А если извержение, то мне действительно хочется уехать и посмотреть на то, что будет происходить 16 июня, откуда-нибудь с другой стороны. Хоть из Вильнюса, хоть из Таллина, хоть из Киева. Тогда я не очень хочу здесь находиться — а это, знаете ли, совсем плохо.

Коммунистическое наследие как раз в том, что политика в нашей стране принимает некорректные, уродливые формы. Она становится навязчивой. Она становится, если хотите, наглой. Она заставляет меня жить по формуле, которую мы уже один раз попробовали и которая ведет только к крови: если не с нами, значит, против нас.

— Да, памятная формулировка.

— Слишком памятная. А я, между прочим, устал от перемен. Я хочу нормальной, стабильной жизни. И никто не вправе влиять на мою судьбу, кроме меня самого. Жаль, что выбор невелик и так очевиден.

России не хватает хотя бы десяти спокойных лет — это не то, что в какой-нибудь Швейцарии, которая двести лет ни с кем не воевала. Или вот богатая страна Америка — что там происходит, тоже понять невозможно, но хотя бы все гладко-тихо. Кто там президент, кого это волнует?! Ушел этот, пришел тот, она как была Америка, так и осталась Америка. У нас же ушел этот, пришел тот — у нас нет полстраны. Уйдет тот, придет этот, у нас не будет еще полстраны.

— А чем грозит приход коммунистов «Полю чудес»?

— Что тогда будет с «Полем чудес», я даже и не знаю. Сейчас эта программа — моя работа, и в большой степени — мое будущее. У «Поля» — аудитория, письма, любовь зрителей. 45 минут люди улыбаются, сбрасывают напряжение. И я не хотел бы, чтобы даже ставился такой вопрос — дадут мне этим заниматься или не дадут.

Я жизнь прожил, на мой век коммунистов хватило. Я бы этого не пожелал новому поколению. Да, собственно, я бы никому этого не пожелал.

— Что же грозит новому поколению, если, не дай Бог?..

— В советские времена, когда человек имел только картошку и кусок хлеба, он уже был счастлив. А теперь у него вдруг появилась возможность выбора. Вы магазины видели когда-нибудь такие, как сейчас? А ведь все только начинается. Я во многих странах был, объездил стран двадцать пять, наверное. Почему там люди нормально живут? Потому что человек принадлежит самому себе. А раз он себе хозяин, то и труд его ценится. Ценится труд. А у нас ценилось совсем не то. И вот только-что-то сдвинулось к лучшему. Поглядите в окно. Видите дом? Я на его строительство как на спектакль смотрю. Еще года не прошло, как его начали, а он уже почти закончен. И сама работа делается не просто шлеп-шлеп. Высочайшая профессиональная точность. Люди работают и вечером, и утром. Раз они так трудятся, значит, знают за что.

— Но так и должно быть, это ведь естественно.

— Мой дом строили для обкомовских работников, его в городе называют «дворянским гнездом», но он весь внутри прогнил, в подвалах вода. А бесконечные новые районы с одинаковыми домишками, с грязными подъездами, куда войти невозможно! Хорошо работать — это естественно и приятно, но нас от этого столько лет отучали! Взамен нам обещали все сразу и всем поровну.

— В спектакле Вы играете ничтожного человека, подчиняющего себе других. Сюжет Вы связываете с современной политической ситуацией?

— «Село Степанчиково» — это человеческая трагедия, или, вернее, человеческая комедия. У Достоевского всегда есть что-то бесовское, какая-то дьявольщина. Когда жизнью правит дьявол, бес. И Фома Опискин — оттуда, представитель бесовства. Человек умный (отнюдь не дурак!), наделенный качествами, с помощью которых он может овладевать другими людьми. Такой, сказали бы сейчас, идейный дьявол. Я-то знаю, кто такие Зюганов, Лукьянов, Лигачев... Я помню, как они кончали институты, как становились академиками. Я получил одну из своих премий не за то, что сделал выдающуюся роль, а потому, что в картине «Блокада» играл секретаря парткома Кировского завода. Остальных актеров нельзя было награждать только потому, что их героев расстреляли. Жаль, что многие об этом забыли. Не так быстро люди отвыкают от рабства. Целых семьдесят пять лет корежили и уродовали людей. Главный вопрос «Села Степанчикова» — не в том, чтобы Фому Фомича заклеймить, а в том, как людей вернуть к чистоте и к добру.

Евгений Лебедев

никому этого не пожелаю!

В ленинградском БДТ только что состоялась премьера спектакля «Возвышенные люди» по роману Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». В истории жалкого тирана и краснобая Фомы Фомича Опискина театр вычитал сюжет о готовности человека подчиниться диктатору. Фому Опискина сыграл Евгений Лебедев.

— В финале вы произносите в зал слова о том, как трудно избавиться от Фомы Фомича в своей душе. Почему?

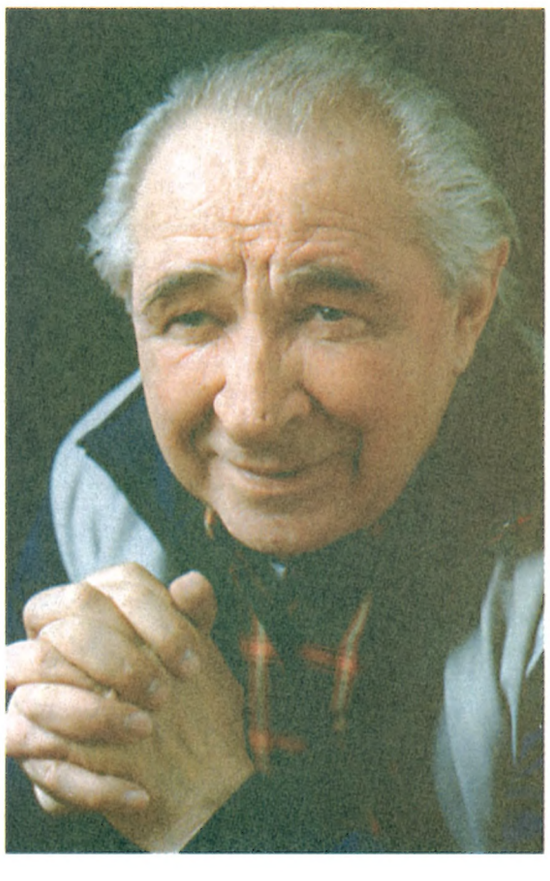
— Люди охотно ошибаются, их легко обманывать. Уже уроки Парижской коммуны доказали, чего стоят коммунисты и чем кончается их господство. Уже тогда повсюду поняли, что это бред, обман. И вот в этот всем очевидный обман в 1917 году втянулась Россия — самая темная, самая отсталая страна. Почему? Из-за этой идеи всеобщего блага. Все будет общее, все будет бесплатно. А на поверхности была красивая ложь, обман внешних красок. Все равно как красиво накрытый стол, на котором жрать-то нечего.

— Неужели вы думаете, что коммунисты смогут взять реванш?

— Нет. Не верю. Этого ни в коем случае не должно произойти. Я знаю, что даже среди людей моего поколения далеко не все будут за коммунистов.

Меня поразило, что несколько человек — «представителей художественной интеллигенции» — написали письмо в поддержку Зюганова. Среди них я знаю Бондарева, Проскурина, а больше никого и не знаю. Зачем им это нужно, тому же Бондареву? Разве он не знает, кто такие коммунисты? Знает. Значит, он рассчитывает что-то приобрести, что-то получить. Так неужели мне тоже надо застраховаться, заручиться поддержкой коммунистов, чтобы не потерять то, что я имею? Не желаю! Лучше потерять. У меня ведь и отца, и мать расстреляли в тридцать седьмом. Пусть и меня тоже расстреляют. Я много чего повидал. Помню голод в деревне, тридцать третий год — сам ел траву. Знаю, что такое коллективизация, колхозы. Знаю, что люди без паспортов были хуже рабов, крепостных. Жестокое, бесплатное рабство. Великие стройки, каналы, города — все делалось заключенными. Даже на Кировском заводе был цех, где работали заключенные. Миллионы заключенных. А говорят — великолепно жили! Лучше всех, дальше всех, выше всех!

Я был в сорока девяти совхозах, на строительстве ГЭС, во многих городах. Я помню, как поразил меня вид колхозных полей с самолета: по краям густо, а в середине — лысина. Потому что до этой самой лысины никто не добирался, ее только сверху видно, а если ехать по дороге, то рожь кажется густой.



Слово коммуниста

Небольшой провинциальный городок Елец Липецкой области находится всего в 360 километрах от Москвы. Из 44 предприятий города толком работают лишь несколько. Кто отвечает за безобразие? Что происходит в городе? Разбираться в Елец поехал наш корреспондент ЯКОВ СЕРГЕЕВ.

Жители Ельца ждали Геннадия Зюганова и надеялись, что он подскажет им выход из сегодняшних проблем. Выхода Геннадий Андреевич не подсказал. Лишь в очередной раз пообещал скорого и всеобщего счастья с крыши магазина «Сувениры» на площади Ленина

Семь тыщ, — сказала мне тетя Маша, буфетчица единственной в Ельце гостиницы. Сказала, поставила передо мной тарелку с жареной колбасой и заметно поежилась. Тете Маше холодно. Тем постояльцам, кто отваживается заглянуть к ней, тетя Маша может пожарить кусок серой колбасы и продать вареное яйцо. За эту работу она уже полгода не получает свою 100-тысячную зарплату.

При коммунистах тетя Маша не мерзла, а ходила в белом переднике, стелила на столы скатерть, получала аванс и зарплату, а также любые продукты по накладным. Теперь гостиница вынуждена покупать все — и колбасу, и яйца — на свои деньги. А где эти деньги взять?

На втором этаже гостиницы, стоя в полном одиночестве среди ядовитой колбасы и вареных яиц, тетя Маша, глубоко страдающая буфетчица, мерзнет и надеется. Мерзнет — поскольку гостиница давно и бесповоротно не отапливается. А надеется — по той простой причине, что чем-то все же нужно заниматься в пустом и промерзшем буфете.

Кто мне сделает лучше?

Уж что-что, а насчет надежды тетя Маша специалист. Она надеется уже много лет. И если бы время, проведенное в полете мечты, измеряли как летный стаж у пилотов и заносили в специальную книжицу, то тетя Маша могла бы гордиться своим стажем, составляющим, наверное, многие сотни проведенных за штурвалом надежды часов.

Сейчас тетя Маша надеется на Зюганова. Надежду формулирует так: придет Зюганов — вернутся аванс, получка, белые скатерти, продукты по накладным и тепло. На столе у тети Маши шипит советский черно-белый телевизор местного производства. Сквозь мутную пелену помех какие-то люди с искаженными кривыми лицами льют себе на голову импортный шампунь. И тетя Маша смотрит в тревожную муть экрана и слышит: «Ваши волосы станут нежными и шелковистыми»...

Телевизорами Елец славится. Вообще-то промышленных предприятий в городе много — сорок четыре. Но все больше какие-то неинтересные, со скучными названиями вроде «Сельхоззапчасть» и «Гидропривод». Самое большое называется «Элементным». Но поскольку элементы, которые оно выпускает, секретны, официально крупнейшим считается «Эльта» — завод по производству телевизионных кинескопов.

«Эльта» — умирает. Когда-то здесь получали зарплату и трудились шесть тысяч ельчан. Теперь же, едва войдя в кабинет заводского главного инженера Юрия Дубовых, я сразу понял: его волосы в ближайшее время уже вряд ли станут нежными и шелковистыми.

По прогнозам, в сентябре этого года некогда известное на весь Союз предприятие, на котором он отработал больше 30 лет, будет окончательно признано банкротом. Не нужны теперь никому елецкие черно-белые кинескопы. И те, что раньше называли «цветными» (поскольку цветных никогда не видели), — тоже не нужны. В прошлом году на всем российском внутреннем рынке русский телевизор купили себе только 10 процентов покупателей. Остальные купили импортные.

Смерть завода была предрешена. Рано или поздно это должно было случиться

Громадный завод, покорно ожидающий теперь своей гибели, выглядит удручающе. За последние полтора года он уволил больше половины своих рабочих.

Длинное заводское помещение погружено в полумрак. Откуда-то издалека его скупо освещает огонь, лениво со свистом вырывающийся из большой кирпичной печи. Его желтые бесформенные брызги понапрасну греют воздух.

У печи не было никого, и из ее душных внутренностей вместе со свинцовым паром не выползали свежесваренные конусы кинескопов, похожие на воронки. Из-за неплатежей город не дает заводу тратить много электричества, и конвейер, больше всего похожий теперь на ржавую карусель, удается ненадолго запускать только ночью, когда Елец ложится спать и гасит за собой свет.

В цехе было пусто. Только две пожилые женщины в резиновых перчатках в полутьме вставляли стеклянные колбы в карусель, которая для чистоты поливала полуфабрикат кислотой. Зачем они стоят тут в этих перчатках среди кислоты — непонятно. Зарплату им выдали на днях только за октябрь прошлого года. Будет ли следующая, не знает даже главный инженер. Наверное, дело в привычке: Нина Юшина и Серафима Кузнецова работают здесь уже около 30 лет.

Тетя Маша рассчитывает на Зюганова и верит в чудеса

— Разве это жизнь? — спрашивают они меня.

И Елена Демидова, случайно обнаруженная в соседнем цехе, тоже спрашивает:

— Ну за кого мне теперь голосовать, скажите? Ну за кого? Пусть мне скажут, кто мне сделает лучше!

И верно, кто? Кто сделает лучше?

— Дальше-то что? — спрашиваю я у Дубовых.

Тот вздыхает.

— Не знаю. Не думаю, что коммунисты спасут завод. Пожалуй, это уже практически невозможно. Но с другой стороны, если они обещают, что займутся восстановлением разрушенного народного хозяйства, то, может быть, в этих обещаниях что-то есть.

— Но вы сами-то за кого будете голосовать? — интересуюсь я.

— Я еще не решил.

Юрию Андреевичу предаваться надежде труднее, чем буфетчице тете Маше. Ему мешают опыт и экономические познания.

Коммунист на крыше

Я понял так: если жителю Ельца надеяться уже не на что, то житель Ельца надеется на чудо. Привычка, видимо, сложилась исторически. Рассказывают, что в далеком 1395 году город сжег дотла хан Тамерлан. Учинив пожары и надругательства, хан устал и пошел спать в свои пригородные шатры. Там-то к спящему басурману и явилась во сне Богоматерь, окруженная бесчисленным свирепым воинством. Пробудившись от ужасного русского видения, татарский завоеватель срочно построил свои войска и, гонимый одним лишь святым духом, навсегда оставил побежденный Елец, принеся ему славу города-победителя.

Спустя 601 год после этих достославных событий елецкая городская компартия, в которой сейчас состоит 280 активных членов, за 80 тысяч рублей заказала в местной типографии 60 объявлений и повесила их во всех важных местах города. В объявлениях этих было написано: встреча с Геннадием Зюгановым, кандидатом в президенты России от патриотических сил, состоится 11 апреля в 11 часов на площади Ленина.

За час до обещанного зрелища площадь Ленина уже была заполнена горожанами, занимавшими удобные для созерцания места. Под патриотические песни, лившиеся из специально выделенного городскими властями громкоговорящего автобуса, своего кумира ожидало в основном население преклонного возраста. «Зюганов — надежда Отечества», — было аккуратно выведено на их плакатах.

И надежда явилась населению Ельца в 10 часов 54 минуты утра 11 апреля 1996 года. Ее светлый образ, облаченный в серую замшевую турецкую куртку, был розов и улыбчив. Охрана поправляла на шее Геннадия Андреевича атласное кашпо. С крыши местного магазина «Сувениры» он оглядел трехтысячную толпу.

И сказал этим людям все, что они хотели услышать. Что даже матушка-Волга остановилась из-за демократов. Что Ельцин губит народ и унижает его достоинство. Что в прошлом году в России убито, а также почему-то еще и отравлено 140 тысяч человек.

И пообещал Геннадий Андреевич людям все. Денег, работы, восстановления народного хозяйства, защиты от иностранного капитала, убивающего русский талант умело подковывать блоху, дешевой еды, электроэнергии и освобождения от налогов. Он обещал вернуть им утраченное счастье в обмен на правильно опущенный в урну бюллетень.

Потом Геннадий Андреевич попил чаю из стакана, сел в машину и покинул город Елец в сопровождении милиции. И площадь Ленина опустела. Через пятнадцать минут по ней уже ездили мальчишки на велосипедах.

«Зюганов — надежда Отечества». Надежда на что? Я потихоньку пробрался на пустую теперь крышу магазина «Сувениры», чтобы оттуда посмотреть на площадь и попытаться увидеть ее глазами Зюганова. Но ничего особенного не увидел.

Хорошо выступил Геннадий Андреевич. Доходчиво. Особенно про счастье. И лишь одного не сказал. Того, как именно он собирается всего описанного счастья добиться.

Та же «Эльта» — как ее спасти? А никак! Никаким способом. Поскольку для того, чтобы модернизировать завод, в него нужно вложить около 100 миллионов долларов. Но даже если эти деньги вложить, это все равно не поможет, поскольку кинескопы уже почти не используются в производстве современных телевизоров. А к моменту окончания реконструкции перестанут использоваться вовсе. И покупать их все равно не будут.

«Эльту» — не спасти. Но вовсе не потому, что в стране появилось много хороших телевизоров и плохие теперь никто покупать не хочет. А потому, что ни много ни мало еще двадцать лет назад уже было понятно, что нечто подобное обязательно случится. И руководство завода требовало модернизации производства, которая тогда легко могла бы поправить дело. И те же самые коммунисты обещали эту модернизацию обязательно провести, выделить на нее деньги. И не провели...

Депутат Государственной думы и по совместительству первый секретарь Елецкого горкома КПРФ Олег Петрович Гришкевич, которого я навестил на дому после митинга, от имени своей организации предложил следующий выход: устроить защиту отечественных производителей. То есть попросту запретить ввоз в страну иностранных телевизоров. И заставить таким образом страну покупать отечественные, с елецкими кинескопами. Тогда «Эльте» снова станет хорошо.

Правда, ради этого всей стране придется вернуться к ручкам «Настройка гетеродина» и «Частота строк», а также кривым, как у жертв полиомиелита, ногам героев фильма «Кавказская пленница»...

Врете, ах, врете вы все, Геннадий Андреевич, про простое и быстрое счастье. Но врете красиво. Советская власть приучила людей жить будущим счастьем. Люди привыкли на что-нибудь надеяться. Люди устали. Люди хотят обещаний. Вы хороший кооператор, Геннадий Андреевич. Вы грамотно реагируете на рыночный спрос.

Когда-то Елец был самым зажиточным провинциальным городом России

Городок надежды на...

Кстати, может, нет в том ничего плохого. Может, права буфетчица тетя Маша? Теплее, когда есть на что надеяться.

А впрочем, права ли?

Как и любой другой приличный российский город, Елец имеет свою историю и, соответственно, свой краеведческий музей — он основан еще в 1918 году писателем Пришвиным. Если пройтись по его залам, то можно понять: после неудачного нашествия Тамерлана Елец времени даром не терял. И стал в конце концов одним из самых зажиточных городов России.

Работало в Ельце пять крупных банков, в 1888 году здесь был построен первый в России элеватор, оборотный капитал местных хлеботорговцев составлял 6 245 000 рублей в год. В Ельце действовало больше тридцати православных храмов, два монастыря, польский костел, немецкая кирха, синагога, кроме того, на местной Красной площади был возведен второй по величине после Исаакиевского Вознесенский собор, автором которого был архитектор Константин Тон, построивший в Москве храм Христа Спасителя. Город жил, здравствовал и преуспевал.

Я ходил по залам музея и пытался понять, почему то, что вполне получалось у жителей города Ельца еще в начале века, не получается у них сегодня, девяносто лет спустя.

Может, тогда, в начале века, город преуспевал, поскольку сбывались надежды на обещания заезжих чинов из далекой столицы? Может, заезжие эти чины проездом, походя, с магической легкостью разрешали проблемы, решения которых горожане сами, без такой помощи годами не могли найти?

А может, иначе? Может, тогда, в начале века, все получалось просто потому, что жители Ельца и не надеялись вовсе ни на кого, кроме Бога и самих себя? И не нуждались ни в чьих обещаниях для того, чтобы сделать жизнь собственного города удобной и красивой?

И, может, привычку жить чужими обещаниями воспитали в них позже — тогда же примерно, когда городская Красная площадь стала площадью Ленина?

Обещания нам дают те, кто принимает за нас решения. Коммунисты всегда были умнее всех. Коммунисты всегда все лучше всех знали. И всегда все за всех решали, всех заставляя этим решениям следовать. Они, конечно, хотели как лучше... Но вот интересно, существовал бы сегодня огромный, никому не нужный кинескопный завод, если бы вопрос, строить его или нет, решали бы тогда, в 1962 году, сами жители города Ельца, по собственному разумению? Или жил бы себе Елец безо всякого кинескопного завода и прекрасно себя чувствовал? И славился, как когда-то, не кинескопами вовсе, а кузнецами, купцами и чудесной красоты вышивкой?

Коммунисты всегда были сторонниками простых решений, приносящих общее счастье уже на следующий день. Последствиями этой простоты усеяна вся страна. Так что же?

Бог мой, они опять все знают. Не продаются елецкие телевизоры? Все просто, товарищи, давайте запретим иностранные.

Неужели вы этого никогда не слышали? Неужели ничего не напоминает? Все просто, товарищи, давайте создадим колхозы. Все просто, товарищи, давайте построим БАМ. Товарищи, в Афганистан просто надо ввести наши войска.

Простые коммунистические решения приводили к непростым результатам. И всеобщее счастье временно откладывалось в связи с необходимостью реализации новых простых решений, результаты которых вновь оказывались непросты.

Черно-белые телевизоры, которыми славится Елец, больше никому не нужны

Некоторое время это работало. Но так не могло продолжаться вечно. По той простой причине, что каждое следующее простое решение обходилось дороже предыдущего. Чуть раньше или чуть позже, но кризис должен был произойти. Надо ли сокрушаться, что этот неприятный момент пришелся на нас, а не на наших детей?

Геннадий Андреевич Зюганов не придумал ничего нового. Так же, как и многие его предшественники, он вновь обещает простое счастье, достижимое уже завтра одному ему понятным и никем другим не замечаемым способом.

Он уже знает, что нужно жителям Ельца, лучше их самих. Он уже все за них решил. И все пообещал. Вопрос лишь в том, так ли на самом деле мы зависим от подобных обещаний и так ли нуждаемся в них.

Три дня исследовал я город Елец в поисках трагедии. Глобальной, общегородской катастрофы или хотя бы внешне незаметного, хорошо замаскированного, но крупномасштабного стихийного бедствия. И ничего подобного не находил.

Жизнь города не была хорошей и устроенной. Но и трагичной не была. Работали кафе под названиями «Изба» и «Фея». И хотя их ассортимент был не слишком богат, все же тетьмашиному буфету до этого было далеко. И магазины — работали. И покупатели в них — вполне присутствовали. И — честное слово — если не считать обязательных для каждого российского городка нищих на церковной паперти, то нищего за три дня я в городе встретил только одного. Он просил подаяния, расположившись под изрядно выцветшим, оставшимся с былых времен плакатом «Мир и социализм неразделимы».

Уволенные с «Эльты» рабочие сейчас живут в основном тем, что в пригороде растят картошку, лук и морковь. Этим главным образом сегодня и кормятся. Натуральное хозяйство. Ничего хорошего. Но — странный парадокс — с таких натуральных хозяйств и начинался когда-то тот зажиточный и устроенный город Елец начала века, жители которого умели рассчитывать на себя, а не надеяться на чужие обещания, и недолюбливали простых решений, потому что думали о последствиях.

...Анатолия Богатикова я встретил на пыльной обочине трассы Москва—Ростов-на-Дону. Он продает здесь черно-белые телевизоры, которые ему выдают на заводе вместо зарплаты. Выходит Анатолий на дорогу каждый день в половине седьмого утра и уходит затемно. За полтора года торговли у него купили в общей сложности десять телевизоров.

— Вот это называется «Орхидея», — показал Анатолий на маленькую черную коробку с круглыми переключателями. — Продаю за 420.

— А оно работает?

— Ща покажу.

Анатолий поставил «Орхидею» на капот зеленых «Жигулей» и подключил ее к прикуривателю. Сначала по экрану шли одни шипящие полосы, но потом сквозь них начало проступать осмысленное изображение. Из серого тумана появился давешний Геннадий Зюганов, стоящий на крыше елецкого магазина «Сувениры». Анатолий Богатиков покрутил нужные ручки, и изображение пропало совсем.

Зато какой-то далекий женский голос ни к селу ни к городу вдруг отчетливо произнес: «Ваши волосы станут нежными и шелковистыми»...

Что они с нами сделают

Если победят на выборах

Окончание. Начало на стр. 1

Если — не дай Бог! — коммунисты всех перестреляют, как они будут хозяйствовать на отвоеванной территории? Не думают же они, что «доверительное управление» экономикой может приносить доход? Конечно, не думают. И никогда не думали. Много вы видели кухарок, которых допустили управлять государством?

Статья 2 «Права трудовых коллективов», пункт 3. Трудовые коллективы получат право «определять условия контракта при найме (назначении) руководителей». Как вы думаете, кто будет назначать директора вашего свободного, народного, доверительно управляемого шинного завода, если вы не захотите его нанять? А вы не захотите: заводу нужен шинный профессионал, а не инструктор райкома. В конце концов, вы вправе «определять». Но тут вступает в действие пункт восемь статьи первой: контроль за вашей шинной политикой «осуществляют комитеты гражданского контроля». Как вы думаете, пройдет инструктор?

Конечно, шины под его руководством вы будете делать неважнецкие. Но какое-то время у вас их все-таки будут покупать, поскольку «будет ограничен импорт» (ст. 5, п. 2). Автомобилистов, правда, станет меньше: общественный транспорт будет объявлен «самым эффективным... в социальном отношении» (ст. 10, п. 6).

А что будет, когда ваш инструктор наконец развалит завод? А вот этого не будет. «Действие закона о банкротстве приостанавливается» (ст. 1, п. 9), то есть никто не сможет сказать, что у них что-то не получилось. Смерть противозаконна.

Вот с вашим заводом и разобрались. Всего-то четыре страницы.

Теперь о вашем колхозе. Статья 3: «Земля, ее недра, водные и воздушные пространства, иные природные ресурсы являются народным достоянием», «купля-продажа земли запрещается».

«Земля для крестьянских хозяйств предоставляется...» Раз «предоставляется», значит, государством. То есть государство владеет землей, а не народ. Но это нормально, во многих странах так.

Нормально, если только всей страной со всеми ее недрами, водными и воздушными пространствами, прочими ресурсами и народом не владеет одна партия. А точнее — два-три десятка ее руководителей.

Вспомните, с вами однажды уже такое делали — всего через несколько лет ваша великая аграрная родина корчилась в голодных судорогах.

Вам будет трудно. Но о вас позаботились.

«Тропиканку» вам, правда, не покажут (доля «иностранных произведений» на телеэкране сокращается до 20% — ст. 11, п. 5). Но выпить, чтобы забыться, дадут. Водка будет дешевой («государственная монополия на алкоголь» — ст. 5, п. 4) — это они умеют.

Ну и, наконец, о главном. Чего они хотят добиться?

Статья 4 — «План восстановления экономики России». Долгожданный план с цифрами.

«Необходимые согласования по объемам, ценам, качеству и срокам поставок продукции осуществляются на федеральном уровне... На период выхода из кризиса устанавливается государственная монополия внешней торговли... вводятся регулируемые оптовые, розничные и закупочные цены».

Благодаря вышесказанному силами возрожденного Госплана будет разработан и выполнен четырехлетний план (понятно, что не пятилетка, — меры-то экстренные), который выведет страну «на уровень 1991 года».

Вот теперь все. Все встало на свои места.

Понятно, за что получил нагоняй от начальства боевой генерал — нельзя обещать собственному народу программу-максимум, которая, утопив страну в крови, через четыре года вернет ее в самый неудачный за последние десять лет год.

До июня они точно не опубликуют этот документ. В противном случае кандидату в президенты России Зюганову придется врать про дармовую колбасу на следующий день после выборов, немедленную индексацию и социальное равенство с цифрами в руках.

А они этого не любят. И не умеют. И вообще — у них другая игра.

Если вы хотите в ней поучаствовать, послушайте совет.

Не играйте. Даже не пробуйте. Под этим наперстком точно нет шарика.

ЛЕОНИД МИЛОСЛАВСКИЙ

ВАША ОЧЕРЕДЬ?

Это наша очередь, сынок

Окончание. Начало на стр. 1

— Ваша очередь, гражданин!

Это звучало почти как поздравление. Действительно, заслужил человек — и вот сейчас ему, у всех на глазах, завесят полкило в одни руки. Или впустят в кабинет ухогорлоноса. Или подтолкнут к окошку авиакассы, чтобы узнать (помните: «Да мне только узнать... — Всем только узнать!»?), на какое число остались билеты в Омск.

А помните, какой жутью веяло от самой мысли — потерять очередь? Я уж не говорю на квартиру. Просто, смотавшись через дорогу за хлебом, вернуться в рыбный и не найти, за кем занимал! И позавидовать тем, кто с полным правом может сказать об этой очереди в рыбный: «Моя очередь».

Однажды я три с лишним часа, матерясь, простоял в толпе абсолютно счастливых людей — без пяти минут молодоженов. Стояли мы за продуктовыми свадебными заказами, выдавались они по именным справкам ЗАГСа, справки сличались с паспортами (будущую тещу продавцу не подсунешь), и происходило все это в одном-единственном месте на всю девятимиллионную Москву.

Такой экзотический маразм средний человек переживает раз (ну, два) в жизни. А что было делать с узаконенными плановой экономикой очередями «в конце месяца», «в конце квартала», «в конце года», когда выбрасывали дефицит? Нам, то есть, выбрасывали, а мы, толкаясь, подбирали. Впрочем, здесь-то выбор как раз был. Плюнуть на этот чертов дефицит: не хлеб все-таки и не кефир для новорожденного — особо гордые могли перебиться и спастись от позора (хотя за кефиром в 6 утра стояли и гордые).

Но выбора — не было: нам всем (они были исключением) от очередей было не уйти. Потому что существовали те — самые позорные — очереди, спастись от которых мы были не вольны, даже если б хотели, поскольку советская власть не разрешала. Поэтому мы часами ловили паспортистку ради штампа прописки, хотя паспортный режим нужен был именно режиму, а не нам. Сутками ждали техосмотра, который опять же требовался не нам, а гаишникам. Покорно стояли в сберкассе, чтобы выложить собственные деньги за государственную квартиру. Именно так: не нам, но им нужны были очереди! Чтобы мы, стоя в шеренге, знали свое место в жизни: пассивно ждать, когда будет наша очередь получать «все для человека, все для блага человека». Да, главной задачей очереди было воспитание людей. Доказательство — очередь на дачные участки в стране с немереными пространствами...

Эти сегодняшние очереди к тем паспортисткам и гаишникам — то немногое, что осталось от неизбежности, безвыходности и всеобщего характера прежних очередей... Другое дело, что такие «оазисы» уже не встретить на каждом шагу. Если есть желание, можете отвести туда ребенка, как в исторический музей: «Это была наша очередь, сынок». Только зачем? Чтобы сынок, как пионер, был всегда готов?..

Интересно, в русском языке «наша очередь» имеет второй, очень патетический смысл. Вроде как «наш черед», «наш час пробил». Специально узнавал — в других языках слово «очередь» такого не удостоилось.

Тем не менее скоро настанет наша очередь решать: может, оставить детям только второй смысл и, как это иногда делают взрослые, скрыть от них первый?

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ КОНКУРС

Коммунистический практикум

Уважаемый читатель! Прямо с первого номера наша газета начинает проводить интересный конкурс. В нем на вполне выгодных условиях могут принять участие все желающие граждане, которые хорошо помнят недавнее прошлое страны. Условия соревнования просты.

Здесь вы видите фотокарточки, с которых компьютерным способом удалены фрагменты широко (а иногда — не очень) применявшихся при строительстве коммунизма лозунгов. Вырезав фотографии из газеты, необходимо ровными печатными буквами шариковой ручкой прямо на снимке восстановить убранные нами слова. Потом положить то, что получилось, в конверт и **отправить в редакцию по адресу:** 125252, Москва, а/я № 50. Прямо со следующего номера мы начнем сообщать результаты. Читатель же, первым правильно и полностью угадавший лозунги, будет премирован поездкой в Чехию, где сможет дополнительно убедится в том, как все-таки хорошо жить без коммунистов. Предусматриваются и другие призы победителям конкурса.

Таким образом, ностальгия по прошлому, поставленная на коммерческую основу, как нам кажется, доставит вам удовольствие.

В добрый путь, читатель!

КОММУНИСТЫ НА МАРШЕ

Окончание. Начало на стр. 1

если Руцкой так хочет попробовать себя в качестве курского губернатора, то лучше всего дождаться губернаторских выборов и тогда попробовать заручиться поддержкой курских избирателей — при чем же тут Зюганов и его президентская кампания? Очевидно, у Руцкого есть основания полагать, что в случае избрания Зюганова президентом эти выборы окажутся последними и впредь речь будет идти о простом назначении на хлебные местные должности. Недаром генерал отмечает перемену Зюганова по сравнению с 1993 годом — тогда, в отличие от Руцкого, лидер КПРФ предпочитал не доводить дело до крайностей, и когда и. о. президента Руцкой призвал к штурму мэрии и «Останкино», осторожный Зюганов стремительно бежал из Белого дома. Если теперь Зюганов совершенно переменился, значит, решительные меры больше его не страшат — и вместе с Руцким лидер КПРФ готов на самые отчаянные штурмы.

Новый губернатор должен появиться не только в Курске, но и в столице. 31 марта поддерживающий Зюганова «Блок советских граждан» выдвинул кандидатом в мэры российской столицы главу «Союза сирот России» Виктора Любина. Главный сирота России обещал жителям «бесплатное пользование всеми коммунальными услугами вплоть до городского транспорта» — средства же на это найдутся в результате «изъятия капитала у воров и жуликов, национализации коммерческих банков и обеспечения 2 млн новых рабочих мест».

Прежде всего бросается в глаза любовь сирот к лидеру КПРФ: кроме обер-сироты Любина, Зюганова еще раньше поддержали сироты более низкого ранга — певцы ласкового мая Разин и Шатунов. К сожалению, само по себе почетное звание сироты еще не всегда гарантирует глубокое знание проблем коммунального хозяйства — как то и случилось с Любиным. «Обеспечение 2 млн новых рабочих мест» вряд ли Москве вообще необходимо, ибо безработица в столице нулевая, тогда как ряд других регионов действительно нуждается в создании рабочих мест — там-то Любин и мог бы проявить свои таланты. Нет, впрочем, уверенности, что депрессивным регионам это пошло бы на пользу, поскольку сирота искренне считает, что создание 2 млн рабочих мест является источником не расхода (крупные инвестиции, необходимые для обеспечения такого числа людей работой), а дохода, который еще неизвестно когда появится, но почему-то сразу позволит субсидировать бесплатное коммунальное хозяйство. Другой предлагаемый сиротой источник не менее сомнителен: водопровод, канализация, трамвай, автобус и пр. нуждаются в постоянном финансировании, а «изъятие капитала у воров и жуликов» есть акция, может быть, высокодоходная и справедливая, но, к сожалению, одноразовая. Кандидат в коммунистические мэры не объяснил, где он будет брать деньги на бесплатные услуги, когда изъятые у воров и жуликов капиталы естественным образом израсходуются. Скромность понятна: раз деньги нужны будут постоянно, то придется объявлять ворами и жуликами все новые и новые группы населения и последовательно изымать у них имущество, как то, собственно, коммунисты один раз уже сделали. Между изъятием капитала у крупной буржуазии (конец 1917 года) и установленным в 1918 году изъятием у всех крестьян всего урожая (продразверстка), а городских обывателей — носильных вещей сверх крайнего минимума (контрибуция на «буржуазию») прошло всего полгода. Впечатляет уверенность союза сирот, что в 1996 году принцип «хлеб съедим, а булочные сожжем» почему-то приведет к другим результатам.

Возможно, впрочем, что они уверены не в каких-то других, а именно в вышеописанных результатах своей деятельности. В ходе выдвижения сироты его товарищи призывали «взять власть силой», ибо «настоящий вождь народа должен быть с мечом». Это правильно: отбирать у людей имущество сподручнее, будучи вооруженным. Понимающий такие закономерности секретарь Московского областного комитета КПРФ Григорий Ребров посоветовал чрезмерно откровенным сиротам «быть поосторожнее в выражениях», поскольку «на наши идеи и так идет глубочайшая атака».

Так что и среди руководителей КПРФ есть рассудительные люди, понимающие, что преждевременная демонстрация коммунизма с человеческим лицом может произвести на людей сильное впечатление, а покуда коммунисты еще не овладели всей полнотой власти, это совершенно нежелательно.

МАКСИМ СОКОЛОВ

КОММУНИЗМ ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 3. Реакция народа на решения Центрального комитета КПСС. 7. Город, где впервые собралась РСДРП; впоследствии столица одного из членов ССР. 8. Печатное издание, совершенно справедливо запрещенное к распространению в России из-за своего деструктивного характера. 10. Украинский город, о котором никак не хотели говорить большевики. 11. Шубный мех, не стоивший выделки (отбирался у крестьян по продразверстке). 13. Острова в Белом море, где был развернут первый концлагерь ГУЛага. 14. Фактический социальный статус колхозника в сталинские времена. 17. Маршал — усмиритель тамбовских крестьян, которые восстали против большевистского насилия. 19. Фактор, игнорировавшийся социалистическим производством. 21. Человек, мешающий планомерному течению трудового процесса. 23. Основной регулятор экономических отношений, отвергнутый большевиками. 24. Праздник коммунистического труда, символами которого были Ленин и Бревно. 25. Продукт, без которого не могут существовать социалистическая экономика и наркоманы.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Огнестрельное оружие, которое обычно держат в руках пассажиры паровоза, летящего в направлении коммуны. 2. Наука, по числу внесенных изменений в которую коммунисты не знают себе равных. 4. Собрание сочинений нескольких писателей об одном отрицательном персонаже. 5. Логичное, но не прижившееся обращение колхозника к председателю. 6. Три буквы между «военным коммунизмом» и «индустриализацией». 9. Обычное оружие восставшего крестьянина, с которым он выходил против пулеметов и пушек Красной армии. 10. Единица измерения времени, проводимого советскими людьми в очередях. 12. Горючая жидкость, питавшая кремлевских старцев. 14. Форма правосудия, практиковавшаяся в СССР. 15. Русский писатель, сразу невзлюбивший большевиков. 16. Крестьянский посланец к В. Ленину на картине В. Серова. 18. Знаменитый летчик, к чьей смерти, по современной версии, приложил руку И. Сталин. 20. В прошлом — революционное море, а ныне — бутылочное пиво. 22. Советский разведчик, чья информация о точной дате нападения Германии на СССР не заинтересовала Кремль.

Ответы будут опубликованы в следующем номере

Газета «НЕ ДАЙ БОГ!». Зарегистрирована Комитетом Российской Федерации по печати. **Адрес редакции:** 125252, Москва, А/Я №50